

по поилъ чихиремъ, самъ тоже не отставая отъ него, въ охотѣ и въ праздномъ созерцаніи окружающаго его быта простыхъ и естественныхъ Лукашекъ, Илюшекъ, Маринъ и пр

Немудрено, что и здѣсь его попытки начать жить *хорошенько* не привели ни къ чему, кромѣ развѣ того, что онъ лишній разъ получилъ жалкое немытанное уже удовольствіе поколебаться между двумя мірами, между двумя паралельными идеалами жизни, двумя воззрѣніями на нее.

Такъ, разъ во время своихъ праздныхъ скитаній по лѣсамъ, онъ вдругъ ощутилъ: вновь «моральный порывъ», приливъ какого-то «внѣ-личнаго» счастья»:

«Отчего я счастливъ и зачѣмъ я жилъ прежде? раздумывалъ онъ: какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ кромѣ горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастья!» И вдругъ, ему какъ будто открылся новый свѣтъ:

«Счастіе вотъ что, сказалъ онъ самъ себѣ: счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человека вложена потребность счастья; стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобства жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Следовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? какія? Любовь, самоотверженіе!...» Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ казалось ему, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого-бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому-бы сдѣлать добро, кого бы любить. «Вѣдь ничего для себя не нужно, все думалъ онъ: отчего же не жить для другихъ?» Однако, какъ ни искрененъ и правдивъ былъ